

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ.

ЛЕКАРЬ.

В. А. ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ. ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ АНТЕРАМИ.

Декабря 11-го, 1852 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ, лекарь.

МАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его.

АНЮТА, дочь ихъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНЫЧЪ, армейскій, егерскій капитанъ и комендантъ укрѣпленія.

НАВЕЛЪ СЕРГѢИЧЪ, поручикъ.

ПРОВЪ СИЛЫЧЪ, полковникъ.

НОСОВЪ, фельдшеръ.

СТАРЫЙ ИНВАЛИДЪ.

МОЛОДОЙ СОЛДАТЪ.

Дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ, въ одномъ изъ малыхъ отдѣльныхъ укрѣпленій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната; на голыхъ бревенчатыхъ стѣнахъ висятъ нѣсколько картинокъ; въ задней стѣнѣ окно и дверь; дверь направо, дверь налево. Вечеръ. — На-авансценѣ, въ большихъ кожаныхъ креслахъ сидятъ, обложенный подушками, раненный поручикъ. Голова его и грудь перевязаны бинтами; на немъ сюртукъ, надѣтый только на правую руку; онъ блѣденъ и въ безпамятствѣ. По одну сторону его **МАРЬЯ ИВАНОВНА**, по другую **КОМЕНДАНТЪ**. **НОСОВЪ** стоитъ у лѣвыхъ дверей, въ фельдшерскомъ сюртукѣ, съ гауномъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*натирая спиртомъ руки поручика*). Кажется, приходитъ въ себя; взгляните-ка, Кондратій Ивановичъ, лицо-то съ вашей стороны; ну что, замѣтна ли хотя малѣйшая перемѣна?

КОМЕНДАНТЪ. Постоите, сдается будто-бы. — Да, нѣтъ, Марья Ивановна, правду надобно сказать, что за молодежь стала нынче! срамъ, просто срамъ! Слова нѣтъ, зацѣпили порядкомъ; ну, очумѣль, вытекло крови съ полведерки, на нервыхъ цорахъ и бѣлки водъ лобъ, — и съ нами случалось; бывало пролежишь себѣ часовъ шесть, гдѣ ни на есть подъ ельникомъ, и вороны садятся, а утренникомъ только станеть подмораживать, небось очнешься; захочешь, знаете, высморкаться, сдается, заносишь руку и ни-вѣсть какъ высоко, въ сущности же смотришь ни съ мѣста. Зато только съ перевязки, просишь ѣсть; хватилъ же рюмку, хоть опять въ дѣло. А это что такое? ототрешь, — ахъ, ахъ, и опять шлепъ о земь; словно барышня.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Побойтесь Бога, Кондратій Иванычъ, да упаси же Царица Небесная отъ такихъ ранъ, какъ у Павла Сергѣича. Носовъ говоритъ: возьми пуля на волосъ лѣвѣе, духъ вонъ, — шуточное ли дѣло.

КОМЕНДАНТЪ. Вретъ, Носовъ. Ужъ эта мнѣ медицина! Туда же съ разсужденіями: когда бы лѣвѣе, когда бы правѣе. Охъ ужъ мнѣ эти нестроевые! Вы, однако же, почтеннѣйшая Марья Ивановна, не подумайте, чтобы я говорилъ это касательно Константина Петровича...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Взгляните-ка, дышетъ, кажется... точно дышетъ... Возьмите руку и потрите пульсъ, Кондратіи Иванычъ, только не такъ, какъ давеча, а понѣжнѣе; я же дамъ ему понюхать спирту. Боже мой, того и смотрю, что опять потеряетъ чувство!

КОМЕНДАНТЪ. Очнись, братъ, Павелъ Сергѣичъ, ей-Богу, пора, замучилъ до смерти; вотъ уже битыхъ два часа, какъ оттираемъ тебя, словно старую мѣдную посуду. Ну что, продралъ глаза, насилу!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Тихе, какъ такъ можно громко говорить? вѣдь онъ слабъ. Какой вы право, Кондратій Иванычъ. (*Больному*). Павелъ Сергѣичъ, они все шутятъ, вы не слушайте, а успокойтесь.

ПОРУЧИКЪ. Добрая Марья Ивановна, и всѣ эти хлопоты изъ-за меня, — стою ли?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какія хлопоты, что за хлопоты, Богъ съ вами, Павелъ Сергѣичъ, есть о чемъ думать; оправьтесь-ка поскорѣе, не то отъ моего Константина Петровича мнѣ же достанется за васъ: скажетъ, не умѣла ухаживать; онъ же, вы знаете, любить васъ, какъ сына роднаго.

ПОРУЧИКЪ (*съ отчаяніемъ*). Меня, какъ сына, Богъ мой!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что это опять? Смотрите, Кондратій Иванычъ, опять и блѣдность въ лицѣ и ротикъ синехонекъ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, братъ, шалишь, ужъ я тебѣ говорю; хочешь бабиться, ступай въ госпиталь, а то вѣдь этими нѣжностями ты просто моришь старуху; взгляни у нея и слезы на глазахъ.

ПОРУЧИКЪ. Виновать, Кондратій Иванычъ, и радъ бы переломить себя, но я такъ слабъ.

КОМЕНДАНТЪ. Диковинное дѣло — слабъ! Держалась бы голова на плечахъ, хоть на жилкѣ, у русскаго человѣка, такъ приростеть, небось. И ноги оторветъ у инаго, а какъ фельдфебель молодецъ, да крикнетъ, такъ смотришь и тотъ бѣжитъ, коли отсталъ отъ своихъ; другаго мало убить, повалить нужно; — а то слабъ, говорить.

ПОРУЧИКЪ. Стаканъ воды освѣжилъ бы меня.

КОМЕНДАНТЪ. Воды! а водки не хочешь?

ПОРУЧИКЪ. Я не пью, Кондратій Иванычъ!

КОМЕНДАНТЪ. Такъ дайте ему воды, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Сейчасъ, батюшка, сію минуту подамъ. (*Бѣжитъ за водою*).

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ, опасны ли мои раны?

КОМЕНДАНТЪ. Что, опасны ли раны? а тебѣ какое дѣло до нихъ?

ПОРУЧИКЪ. Я бы желалъ знать.

КОМЕНДАНТЪ. А для чего бы, напримѣръ, позвольте спросить?

ПОРУЧИКЪ. Если послѣдній часъ мой близокъ, предупредите меня, почтенный Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ же, ваше благородіе, такъ сейчасъ и предупреду; очень умно, то-есть, придумано; и прилично мнѣ расхаживать по командѣ и предупреждать всякаго: дискать, сію минуту умереть изволите! Последняя минута знать, да то и се. А еще офицеръ; и молоко-то на губахъ не обсохло, а поручикъ; другой двадцать лѣтъ тянетъ ляжку, и Богъ не приведетъ царапиной отмѣтить формуляръ; а ты, смотри-ка, и лобъ въ крови, и грудь насквозь; глядишь на рану прищиплять крестъ, да скажутъ спасибо; чего же ты боишься смерти?

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ, на совѣсти моей тяжкій грѣхъ.

КОМЕНДАНТЪ. Грѣхъ, говоришь ты?

ПОРУЧИКЪ. Да, грѣхъ, и грѣхъ ужасный.

КОМЕНДАНТЪ. По службѣ, что ли?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, но тѣмъ не менѣе онъ мучить, онъ терзаетъ меня.

КОМЕНДАНТЪ. А не по службѣ, такъ въ свое время выскажешь, да покаешься. Богъ милостивъ, кто безъ грѣха.

ПОРУЧИКЪ. Вы должны выслушать меня, почтенный капитанъ, иначе... я не умру спокойно.

КОМЕНДАНТЪ. Опять понесъ, словно въ повѣсти, или въ истинномъ тамъ какомъ-нибудь печатномъ происшествіи. И достаетъ же вашей братьи время на выучку подобныхъ изрѣченій: долженъ выслушать, не умру сирѣчь покойно, — куды вычурно! Слушая, подумаешь и ни-вѣсть что, а бьюсь объ закладъ, что выйдетъ на повѣрку пустякъ; ну, какое тамъ несчастіе; вѣдь небось не укралъ, не убилъ изъ-за угла?

ПОРУЧИКЪ. Хуже, во-сто-кратъ хуже, Кондратій Ивановичъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, ужъ врешь, братъ, позволь мнѣ тебѣ сказать, ну, ужъ врешь, хуже этого не бываетъ.

ПОРУЧИКЪ. Вѣрите, капитанъ, что поступокъ мой предосудительнѣе всего того, что можетъ внушить вамъ благородное сердце ваше, и если вы имѣете хотя искру жалости, не смѣю сказать дружбы ко мнѣ, потому-что я дружбы вашей больше недостоинъ, то выслушайте.

КОМЕНДАНТЪ. Постой, братъ, можетъ статья, тебѣ-бы хотѣлось, чтобы Марья Ивановна и Носовъ нѣсколько позже узнали о твоёмъ грѣхѣ, такъ ты поудержись разговоромъ; вотъ и они на лицо, а ужо зайду, пожалуй.

ПОРУЧИКЪ. Я буду ожидать васъ, Кондратій Ивановичъ, — и вы не забудете?

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, забыть, кажется, не забуду, а признаюсь, и радъ бы того... Ну, да на досугъ расскажешь. Марья Ивановна, вы какъ себѣ хотите, а по моему рюмка водки чуть не почище ли будетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Богъ съ вами, Кондратій Ивановичъ! Съ такимъ ли иѣженкою, каковъ Павелъ Сергѣевичъ, такъ просто обращаться; они же и здоровые ничего крѣпкаго не пивали, а въ теперешнемъ положеніи, сохрани Богъ, что случится.

КОМЕНДАНТЪ. Что больше бояться, то хуже; солдата Богъ хранить; не оставилъ головы на полѣ, въ четырехъ стѣнахъ, кажется, и стыдно бы умереть. Будь Константинъ Петровичъ здѣсь, бьюсь объ закладъ, было бы насъ двое противу васъ одной, Марья Ивановна. Да гдѣ же это онъ запропастился? Если не ошибаюсь, дней десятокъ какъ въ отлучкѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я, правду вамъ сказать, и сама беспокоиться начинаю; онъ и писалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, что продержалъ его Провъ Силычъ при себѣ; старикъ—то былъ плоховать, говорить; рана долго не заживала, а сами вы знаете, въ эти годы скоро ли оправившись! Вѣдь дядюшкѣ—то вашему чай подѣ шестьдесятъ будетъ, Павелъ Сергѣичъ?

ПОРУЧИКЪ. Я полагаю, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ то то же и есть; и мнѣ помнится, что Константинъ Петровичъ мой чуть ли не одноклассникъ съ полковникомъ. Вѣдь мы, Кондратій Ивановичъ, лѣтъ тридцать какъ служимъ съ дядюшкою ихъ; Константина Петровича прислали въ полкъ лекаремъ въ четырнадцатомъ, а Провъ Силычъ былъ только—что произведенъ въ офицерскій чинъ, и первую рану его пользовалъ мужъ. Съ той—то поры по тридцатый годъ не разлучались мы ни разу. Прова Силыча перевели въ другую дивизию, и Константинъ мой за нимъ; Прову Силычу дали полкъ, и мы къ нему. Да, безъ лести скажу, благодѣтельствовавалъ онъ намъ, какъ кровный родной; нужно ли что бывало, горе ли какое, и поможетъ, и утѣшитъ. Ужъ зато и мы его любимъ, Кондратій Ивановичъ; мнѣ кажется, потребуй онъ отъ мужа, что только въ силахъ онъ выполнить, и минутки не подумаетъ. И вѣкъ бы не разлучились, ну, да вѣдь всѣмъ дорожка не одна. Въ тридцатомъ понадобились лекаря на Кавказъ, мы и перемѣстились въ эту крѣпость; смотримъ, а Прову Силычу дали отрядъ, и онъ къ намъ. То—то была радость, когда мы читали приказы; Константинъ Петровичъ мой чуть съ ума не сошелъ, помолодѣлъ годами десятью, право. Такъ можете судить, статочное ли дѣло, чтобы онъ усидѣлъ на мѣстѣ, услыхавъ, что благодѣтеля поранили проклятые черкесы и что онъ, бѣдненькій, верстахъ въ пятидесяти отсюда? Поѣду, говорить, взгля-

нуть на отдѣльные посты, лихорадка, слышно, много людей одолѣла, а тамъ, сердись не сердись, Марья Ивановна, заверну къ Прову Силычу! Вотъ, сударь мой, онъ и поѣхалъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, Марья Ивановна, погоняю же я муженька вашего; не стать въ эти годы вѣтренничать, вѣдь проѣхать пятьдесятъ верстъ въ нашемъ краю не стаканъ воды выпить; не ровень часъ, не всякъ кустъ пустъ и не всякая пуля дура.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто есть опасность какая, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ бы вамъ сказать? Опасность — не то, чтобы была большая; слова нѣтъ; возьми конвой, да горсточку казачковъ, да пушченку другую, не что!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, батюшки мои, а какъ безъ конвоя?

КОМЕНДАНТЪ. А безъ конвоя? Ну, безъ конвоя изъ тысячи одинъ и проберется; за девятьсотъ же девяносто девять не отвѣчаю, и грѣшить не хочу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Сохрани насъ Заступница Небесная! Взялъ ли Константинъ Петровичъ кого съ собою?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ не взять, вѣрно взялъ; да вотъ мы и узнаемъ сейчасъ. Ей, Носовъ! (*Носовъ выступаетъ впередъ*). Эге, братъ, да у тебя правой-то глазъ опять, я вижу, сталъ меньше лѣваго, а?

НОСОВЪ. Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Не знаешь, такъ я скажу, пожалуй, отъ чего, — хватилъ камфарнаго, не бось не такъ?

НОСОВЪ. Должно быть ненарокомъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Уже конечно ненарокомъ, и ненарокъ-то этотъ съ тобою приключается именно тогда, когда Константина Петровича нѣтъ дома. Берегись, братецъ, это я тебѣ говорю, и шепни правой вѣкѣ, чтобы впередъ не шурилась, а вмѣсто того, чтобы разсуждать о пуляхъ, постарайся, любезный, чтобы чарки ходили лѣвѣе или, пожалуй, правѣ тебя, слышишь?

НОСОВЪ. Радъ стараться, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. То-то старайся, вотъ такъ лучше будетъ. Дивное дѣло, эти фельдшера, сколько разъ замѣтилъ — положишь имъ подъ носъ лакрицу, или что другое вкусное, не тронетъ; навари же цакость что ни на есть хуже, поставь хоть на облака, да только примѣшай виннаго, смотришь и пьянъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Кондратій Иванычъ, вы хотѣли распросить его?

КОМЕНДАНТЪ. Да, и въ-самомъ-дѣлѣ, увлекся, виновать; впрочемъ, есть ли возможность, взглянувъ на эту фигуру, помнить о вещахъ серьезныхъ; виновать, Марья Ивановна. (*Къ Носову*). Скажи, любезный: да онъ ножалуй не припомнитъ, что случилось недѣлю назадъ; — какъ тебя зовутъ?

НОСОВЪ. Захаромъ Тимофѣевымъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Ладно! А кого взялъ съ собою, Константинъ Петровичъ?

НОСОВЪ. Съ ихъ благородіемъ Демьяновъ.

КОМЕНДАНТЪ. Фельдшеръ четвертой роты?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. То-есть, такой же камфарникъ, какъ и ты?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. И больше никого?

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ безпокойствомъ*). Богъ ты мой! Да взяли ли они, по-крайней-мѣрѣ, какое нибудь оружіе?

КОМЕНДАНТЪ. А вотъ и это узнаемъ. (*Къ Носову*). Слышишь, спрашиваютъ, взялъ ли Демьяновъ съ собою что ни на есть?

НОСОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе, взялъ фунта съ три хины.

КОМЕНДАНТЪ. Чай и камфарнаго взялъ?

НОСОВЪ. И камфарнаго взялъ, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Чего же лучше? съ такимъ запасомъ кого бояться?

Помилуйте, Марья Ивановна, да знаете ли, такой штуки не выкинетъ, съ позволенія сказать, и молодой прапорщикъ... Ей-Богу!

ПОРУЧИКЪ. И все это для дяди, и все это изъ дружбы, изъ благодарности, (*всторону*) въ то время, какъ я...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что вы, Павелъ Сергѣичъ, что вы? Да успокойтесь-же; Богъ великъ и милостивъ, за доброе не накажетъ, и Константинъ Петровичъ возвратится благополучно; а вы посмотрите-ка на себя, краше въ гробъ кладутъ! Тамъ случится-ли что-нибудь, а здѣсь... къ тому-же онъ не дитя и самъ остережется.

КОМЕНДАНТЪ. Дитя не дитя, а похуже будетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да замолчите-же, Кондратій Иванычъ. Эка нужда вамъ, прости Господи, стращать, право; сердце вѣщунъ, а на счетъ Константина Петровича оно спокойно, — чего-же тужить прежде времени? (*Вздыхая*). Вотъ Анюта — другое дѣло, и сама не знаю, а какъ, подумаю о ней, такъ неловко станеть!

ПОРУЧИКЪ (*всторону*). Боже!!

КОМЕНДАНТЪ. Что-же такое съ Анною Константиновною? развѣ больна?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нѣтъ, слава Богу; впрочемъ, какъ сказать положительно.

КОМЕНДАНТЪ. Гдѣ же она?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Это-то и тревожитъ меня, Кондратій Иванычъ; скажи мнѣ кто-нибудь, гдѣ она въ эту минуту, я бы, кажется, разцѣловала его.

КОМЕНДАНТЪ. Неужто взялъ ее съ собою Константинъ Петровичъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Когда бы такъ, — пятнадцать верстъ не Богъ знаетъ какая даль, да съ нею не поѣхалъ бы и онъ съ однимъ фельдшеромъ; а то вчера вечеромъ отпросилась къ дядѣ Андрею Андреичу.

КОМЕНДАНТЪ. Что штабъ-лекаремъ въ Трехгорскомъ укрѣпленіи?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну да, Кондратій Иванычъ; онъ двоюродный мужа; у него двѣ дочери однихъ лѣтъ съ Анютою, воспитывались въ

одномъ заведеніи и вышли вмѣстѣ. Дѣвочкѣ-то скучно здѣсь и погулять негдѣ, — одна одинешенька; попросилась, какъ не отпустить; на ту-же пору отправлялась обратно команда, что привозила провіантъ.

КОМЕНДАНТЪ. Чего же вы боитесь, помилуйте, скажите? Да за такимъ конвоемъ не то, что въ Трехгорское, а и въ Грозное отпустить можно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто безопасно?

КОМЕНДАНТЪ. Спите спокойно, я вамъ говорю.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А черкесы, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Дали чай съ сотню барановъ тѣмъ лазутчикамъ, которые шепнули имъ, что цѣлый батальонъ отправился по этой дорогѣ. Ужъ конечно носу не покажутъ черкесы — вы знаете этотъ народецъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да не въ то ли же самое время напали они на Павла Сергѣича? Не побоялись же мерзніе.

КОМЕНДАНТЪ. Не въ то ли же самое время. — Ахъ, матушка Марья Ивановна, Богъ съ вами, право: не въ то же ли самое время. Да въ примѣръ сказать, вы, я часто вижу, колупаете тамъ изъ нитокъ что-то такое, и такъ скоренько, что смотрю бывало, а чортъ возьми, ежели понимаю, изъ чего это пальцы ваши суетятся; съ перваго-то взгляда плюнулъ бы, кажется; смотришь ни чуть не бывало, — выходитъ узорецъ и съ цвѣточками, съ ягодками; право прекрасная вещь. Посади же нашего брата за подобную работу, да онъ нагородитъ такое, что и не распутаешь въ три года. И про васъ скажу: ну вбей же вамъ въ голову военное дѣло. Въ тоже самое время, говорите, на Павла Сергѣича напали черкесы...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Развѣ не правда, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Опять развѣ неправда; кто же говоритъ, что неправда, не самъ же онъ пронизалъ себя двумя пулями, — разумѣется, черкесы; да вотъ разница, — смотрите: вотъ этотъ стулъ Трехгорское укрѣпленіе, видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вижу, вижу.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, вотъ этотъ столъ нашъ редуть, — понимаете?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Понимаю.

КОМЕНДАНТЪ. Смотрите же теперь, — вотъ вотъ... хоть бы то окно Новобранская крѣпостца, то есть: Трехгорская вправо, а то влево, стало совершенно въ противоположной сторонѣ, — понимаете!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Понимаю, понимаю, Кондратій Иванычъ, да вѣдь черкесы-то всюду проклятые.

КОМЕНДАНТЪ. Правда.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Стало-быть вездѣ одинакая опасность.

КОМЕНДАНТЪ. Тфу ты, пропость какая; ну, а батальонъ то....

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да вѣдь и у Павла Сергѣича былъ конвой.

КОМЕНДАНТЪ. Пятнадцать донцевъ, сударыня, пятнадцать козачковъ; это, какъ бы сказать, все равно, что четверть взвода моихъ егерей; вздоръ, говорю; это для черкеса все-равно, что одинъ мертвый егеришка съ ружьемъ подъ бокомъ; такъ и тутъ подумаетъ, чего добраго, приподнимется, да огорошитъ прикладомъ, не пойдетъ, окаянный. Ну, поняли? небось неясно?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, дай-то Богъ, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Чего дай-то Богъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да чтобы Анята доѣхала благополучно.

КОМЕНДАНТЪ (*съ сердцемъ*). Ну, матушка, признаюсь, — терпѣнье дѣло великое, да не мое; и не хочу согрѣшить, лучше за шапку, да и вонъ. (*Берется за фуражку*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Простите, Кондратій Иванычъ. И можно-ли вамъ сердиться на меня? Вѣдь я мать, и чѣмъ больше васъ слушаю, тѣмъ радостнѣе дѣлается на сердцѣ. Не сердитесь, положите фуражку..

КОМЕНДАНТЪ. Что сердиться? И я дуракъ, — сердиться на черкесовъ—такъ; а на васъ, Марья Ивановна, — полноте, какое тутъ сердце.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я и сама теперь понимаю, что батальонъ не шутка для горцевъ, батальонъ — не малая сила.

КОМЕНДАНТЪ (*воспламеняясь*). Не малая сила, говорите вы, батальонъ! Да знаете ли вы, что такое значить батальонъ? Эхъ, вотъ не далось мнѣ краснорѣчіе!.. Ну да была не была, все равно!.. Батальонъ, это видите ли вы, Марья Ивановна, какъ бы вамъ это выразить?.. позвольте... да вотъ... чего же лучше... (*Подводитъ Марью Ивановну къ окну*). Пожалуйста—ка сюда, сюда; ну, взгляните, —видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что такое?

КОМЕНДАНТЪ. Вотъ этотъ валъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вижу.

КОМЕНДАНТЪ. Прекрасно; теперь представьте, что подъ этимъ валомъ ровъ, глубокий ровъ съ палисадомъ; —представили?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, представила.

КОМЕНДАНТЪ. Теперь представьте себѣ, что за палисадомъ непріятель, — все—равно, французы, турки тамъ, кто хочешь будь; —представили?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, ну, Кондратій Ивановичъ?

КОМЕНДАНТЪ. Разумѣется, у нихъ и пушки, и ружья, и нивѣсть что, и знаменъ тамъ куча, и всякой всячины... всего всего... и наконецъ сама нечистая...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что вы, грѣхъ какой! Зачѣмъ же это?

КОМЕНДАНТЪ. Какъ зачѣмъ? Чтобы крѣпче было. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, Марья Ивановна, вы меня не сбивайте; ужъ сдѣлайте милость, понатужьтесь, а представьте.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ну, хорошо, хорошо.

КОМЕНДАНТЪ. Ну, благодарю; теперь пожалуйста—ка батальонъ (*засучиваетъ рукава*), батальона много, — куда много, то—есть черезъ—чуръ; ну, да чтобы не разрознивать, возьмемъ цѣльный. Ружья на перевѣсъ, бѣглымъ шагомъ, маршъ! Ну теперь смотрите, — видите, видите?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я вижу пустой валъ, Кондратій Ивановичъ.

КОМЕНДАНТЪ. А вы что же бы думали? Не бось оставили бы на немъ кого-нибудь? Нѣтъ, шалите, Марья Ивановна. Вотъ вамъ и батальонъ; такъ можете посудить, доѣхала ли Анна Константиновна до Трехгорнаго. — Больше ничего-съ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ восторгомъ*). Спасибо вамъ, мой добрый Кондратій Иванычъ; засну я спокойно, благодаря васъ; не расскажите вы мнѣ всего этого, мучиться бы мнѣ, какъ всѣ эти дни.

КОМЕНДАНТЪ. Стало и сердце въщунъ, да не совѣмъ; вотъ вамъ и предчувствіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай-то Богъ, дай-то Богъ! Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ, что это? съ вами опять дурно... Посмотрите на него, Кондратій Иванычъ. Царица Небесная!

КОМЕНДАНТЪ. Что, что опять? Павелъ Сергѣевичъ! любезный другъ, подержись немножко, я тебя прошу. Носовъ, спирту!

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, не нужно... мнѣ ничего... слабость.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какая слабость, и слезы! Павелъ Сергѣевичъ, или вы не христіанинъ, — что за отчаяніе!

ПОРУЧИКЪ. Я желалъ бы заснуть, моя добрая Марья Ивановна; разговоръ вашъ утомилъ меня; одну минуту спокойствія и все пройдетъ навѣрное.

КОМЕНДАНТЪ. Ужъ не уйти ли намъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, не вы капитанъ, но Марья Ивановна утомилась, ей нуженъ отдыхъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мнѣ? Полноте, да теперь откуда силы взялись, — помолодѣла, даже.

ПОРУЧИКЪ. Но еслибы я попросилъ васъ прилечь хоть на одинъ часъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ни за что!

ПОРУЧИКЪ. На нѣсколько минутъ, по-крайней-мѣрѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И слышать не хочу!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Ужь не хочеть ли онъ сказать мнѣ что-нибудь. (*Гроико*). Марья Ивановна, больному—то нашему, видно, дѣйствительно желательно остаться одному, мѣшать не нужно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И въ—самомъ—дѣлѣ! А мнѣ—то, глупой, и не вдогадъ; только вы ужь, Кондратій Ивановичъ, побудьте прѣ немъ, пока я пришло Носова. Иду, иду, батюшка.

КОМЕНДАНТЪ (*проводя ее до дверей, возвращается назадъ*). Теперь, Павелъ Сергѣевичъ, о давищемъ... къ дѣлу, я васъ слушаю.

ПОРУЧИКЪ. Но ушла ли Марья Ивановна?

КОМЕНДАНТЪ. И дверь приперта, какъ должно; никто не услышитъ. Не мучьте, извольте начинать, ваше благородіе. Какъ я ни тугъ на эти вещи, а только взглянулъ давеча, тотчасъ же догадался, что грѣхъ такъ и виснеть у васъ на языкѣ; и любопытно знать, признаюсь, что можетъ быть во сто кратъ хуже упомянутыхъ мною; у всякаго другаго, положимъ, лукавый силенъ, но у роднаго племянника Прова Силычъ, такого честнаго и храбраго полковника, который послѣ каждаго дѣла высыпаетъ изъ рукавовъ шинели по пригоршнѣ свицовыхъ орѣховъ, у котораго, если каша не пахнетъ порохомъ, солдаты и ѣсть не стануть, наконецъ... да мало ли чего можно бы пересказать.

ПОРУЧИКЪ. Да, Кондратій Ивановичъ, у благороднаго дяди племянникъ, любимый, усыновленный имъ, поступилъ ужасно, безчеловѣчно, и готовъ искупить поступокъ этотъ не только кровью, но всей моею жизнью.

КОМЕНДАНТЪ. И ты не бредишь, братецъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, Кондратій Ивановичъ. Аппы Константиновны нѣтъ теперь въ Трехгорскомъ укрѣпленіи.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ нѣтъ, съ батальоннымъ коновоемъ? Шутить братъ, поклянись, — не повѣрю; черкесовъ то я знаю лучше тебя.

ПОРУЧИКЪ, Повторяю вамъ, что ее нѣтъ тамъ: въ рукахъ она у враговъ, у горцевъ!

КОМЕНДАНТЪ. А батальонъ?

ПОРУЧИКЪ. Про батальонъ не знаю.

КОМЕНДАНТЪ. Дай-ка, братъ, пульсъ, видно пули-то прошли промежъ жилъ, бываютъ и такіе случаи; въ прошломъ году у маіора...

ПОРУЧИКЪ. Капитанъ, Анну Константиновну отбили горцы—у меня на новобранской дорогѣ.

КОМЕНДАНТЪ. Кой чортъ, не понимаю!

ПОРУЧИКЪ. Я похитилъ ее; я увезъ дочь изъ дому родителей, я обманулъ мать! я предатель, извергъ! я убійца!

КОМЕНДАНТЪ. Ты, ты!

ПОРУЧИКЪ. Я, я, Кондратій Ивановичъ! И въ то самое время, когда отецъ, несчастный, жертвовалъ жизнью изъ преданности къ дядѣ, племянникъ опозорилъ дочь; да, опозорилъ, потому—что кто же повѣритъ святости моихъ намѣреній? кто повѣритъ, что я предложилъ ей въ тайнѣ и руку и судьбу мою и имя? кто дастъ вѣру словамъ моимъ? Увѣренность получить отказъ отъ родителей Анны понудила меня къ такому поступку. Теперь вы все знаете!...

КОМЕНДАНТЪ. Послушай, братъ Павелъ Сергѣевичъ, или ты взводишь на себя позорное дѣло, или, признаюсь, жаль мнѣ тебя, — такого пятна не смоешь ни слезами, ни кровью, и чуть ли не лучше повязки долой, а тамъ Богъ разсудитъ, — Онъ и простить можетъ-быть, отъ людей же не жди пощады, осудятъ они, и я съ ними, не взыщи.

ПОРУЧИКЪ. Умереть, не зная—гдѣ она, что съ ней? умереть, не искушивъ, по-крайней-мѣрѣ, проступка моего всеми мученіями ада, всемъ угрызеніемъ совѣсти и не унеся въ могилу прощенія родителей Анны?... Нѣтъ, капитанъ, я долженъ жить, я долженъ страдать!

КОМЕНДАНТЪ. И ты надѣешься испросить это прощеніе! И ты увѣрець, что старикъ-отецъ не проклянетъ тебя, а мать не растянется тутъ же, у этого кресла! Плохо же, братъ, ты знаешь привязанность стариковъ къ единственной дочери! Нѣтъ, Павелъ Сергѣевичъ, дѣлай, какъ знаешь, а совѣта моего не жди; плохой совѣтъ того, кто читать здоровъ не читалъ, а чувствуетъ не хуже вашей братьи умниковъ; плохое

утѣшеніе простака, подобнаго мнѣ. За правое дѣло рѣжь на куски, — не поморщимся, а дѣло не по насъ...

ПОРУЧИКЪ. Пощадите меня, Кондратій Ивановичъ, дайте хоть умереть, не слыша подобнаго приговора.

КОМЕНДАНТЪ. Тебѣ! тебѣ! когда въ эту минуту, можетъ-быть дочь лекаря терзается въ постыдныхъ объятіяхъ горца! Тебѣ, убійцѣ добраго и честнаго семейства, нарушителю спокойствія добрыхъ стариковъ, хищнику ихъ единственнаго сокровища — чести дочери! Полно братъ, Павелъ Сергѣичъ! Или нѣтъ правды святой? Да чѣмъ же отличилъ бы Господь смерть солдата, павшаго за честь и долгъ, отъ кончины постыдной твоей? и какой же примѣръ подалъ бы я, услаждая богопротивными рѣчами твои послѣднія минуты... По дѣламъ и наказанье! Прощай, молись, если можешь, и да проститъ тебя Всевышній! Не слышитъ! умерь! *(Беретъ его за руку)*. Нѣтъ, живъ, тѣмъ хуже! *(Уходитъ въ раздумьи)*.

НОСОВЪ *(выходитъ изъ боковыхъ дверей)*. Его опять свернуло; видно вода-то не по натурѣ. Ваше благородіе! ваше благородіе! Не слышитъ, экая оказія! *(Беретъ стеклянку со спиртомъ, и оглядываясь во всѣ стороны, пробуетъ его на языкъ)*. Ну что, дрянъ; вѣдь пробовали, не помогаетъ; ну его! *(выпиваетъ)* скажемъ: вышелъ. вотъ и все...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Захарычъ, что ты дѣлаешь?

НОСОВЪ. Я такъ-съ, промежъ себя, ваше благородіе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. А больной заснулъ?

НОСОВЪ. Заснулъ-съ, а можетъ-быть, что и не заснулъ, не могу знать.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Боже мой! да онъ опять безъ чувствъ! опять! Спирту, подай спирту!

НОСОВЪ. Спирту-съ... спирту нѣтъ... вышелъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Негодяй, ты выпилъ его.

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ-съ, то есть и... въ мысляхъ не было.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что тутъ дѣлать? Царица Небесная! Да дай же хоть чего-нибудь.

НОСОВЪ. Хлопки развѣ-съ, — покурить можно.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай, дай скорѣе!... онъ блѣднѣе, чѣмъ когда-нибудь! Помилуй насъ Господь отъ такого несчастія! И Кондратія Иваныча нѣтъ. Что я буду дѣлать?

ГОСОВЪ. А вотъ-съ, къ ноздрямъ поднесу-съ, такъ очнутя, — средство извѣстное (*Подноситъ зажженный хлопокъ къ носу больного*). Ну вотъ-съ и створачиваются; значить доняло-съ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Павелъ Сергѣичъ! душенька вы мой!, голубчикъ! опомнитесь, пожалѣйте меня старуху. Захарушка, вѣдь точно, кажется, онъ головку-то повагачиваегъ и губками шевелить? Павелъ Сергѣичъ!

НОСОВЪ. Ужъ будьте увѣрены, средство извѣстное, не въ-первые приснаравливаемъ къ натурѣ. Ихъ благородіе — дѣло иное, а нашему брату ткнуть стоить, такъ мало очнется, иной и скачекъ дастъ не хуже козла. Да вотъ и они, извольте видѣть, глядѣть изволятъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, да. Ну, спасибо же тебѣ, Захарушка, спасибо! Чтобы не перепугался, ты отойди, а я ужъ и одна справлюсь теперь. Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ!

ПОРУЧИКЪ. Кто здѣсь? кто меня звалъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я, мой голубчикъ, я, Марья Ивановна.

ПОРУЧИКЪ. Вы, а Константинъ Петровичъ тутъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нѣтъ еще, но онъ вѣрно возвратится скоро. Еслибъ что случилось съ нимъ, была бы вѣсть. Богъ милостивъ, не сегодня, такъ завтра и онъ пріѣдетъ. Все пойдетъ хорошо; поуспокойтесь, все исправится.

ПОРУЧИКЪ. Кондратій Иванычъ съ вами?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вышелъ на минуту, а что, послать развѣ за нимъ?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно; я что-то хотѣлъ сказать. Да, да, припоминаю...

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что такое, мое сокровище? Что вамъ угодно? Прикажите, все будетъ.

ПОРУЧИКЪ. Марья Ивановна, добрая Марья Ивановна! исполните мою послѣднюю просьбу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Послѣднюю! Это что еще? Да съ чего вы взяли, что просьба ваша послѣдняя, или въ-самомъ-дѣлѣ мы уже такъ прогнѣвали Бога?..

ПОРУЧИКЪ. Отошлите меня въ госпиталь; мнѣ будетъ тамъ покойнѣе.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Покойнѣе въ госпиталь? Въ госпиталь васъ, племянника нашего благодѣтеля? Ай да, Павелъ Сергѣичъ! Пришла же въ голову такая мысль! Въ госпиталь, прошу покорно! (*Тѣже и лекарь, показываясь у дверей*).

ЛЕКАРЬ. Кого въ госпиталь? его? Что-жъ и конечно! Ай да жена, молодець, еще уговариваетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*вскакиваетъ и бросается къ мужу*). Константинъ Петровичъ, родной мой, другъ мой! И живъ и невредимъ!

ЛЕКАРЬ (*весело*). Цѣлехонекъ, какъ видишь, матушка; ну здорово, поцѣлуемся.

ПОРУЧИКЪ. Правосудный Боже!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И не грѣшно тебѣ ребячиться, и не грѣшно тебѣ меня сводить съ ума! Отправился съ Демьянычемъ за пятьдесятъ верстъ одинъ, безъ конвоя.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, полно, доскажешь на досугѣ, мать моя; а теперь шагъ вправо, да пусти-ка меня къ нему.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Проходи, проходи съ Богомъ; да ты, вѣдь, Константинъ Петровичъ ничего не знаешь.

ЛЕКАРЬ. Знаю, матушка, все; такими вѣстями свѣтъ полнится, и про раны знаю, и про храбрость знаю. Ну, Павелъ Сергѣичъ, испо-

латъ вамъ! и честь вамъ и слава! Да, видно на порядкахъ уходили васъ злодѣи. Ба! что же это онъ все въ такомъ положеніи?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Такъ слабенецъ, сердечный, что Боже упаси! Обморокъ за обморокомъ.

ЛЕКАРЬ. А разумъ — при немъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Еще бы не при немъ, Богъ съ тобою; да силъ-то нѣтъ вовсе.

ЛЕКАРЬ. Сила придетъ! Ну слава Богу! Признаться, какъ сказали мнѣ, что ранецъ въ голову, такъ сердце и заныло; и Богъ вѣдаетъ, чего не передумалось. Однако тутъ ему не мѣсто, моя милая, въ креслахъ такія раны не лечатся, и дивлюсь, матушка, что тебѣ было не вдогадъ уложить его бережно, хоть бы на нашу постель, да и не пускать съ нея ни подъ какимъ видомъ. Шутка-ль, съ ночи сколько времени ушло.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Уложить-то я его уложила, да гдѣ же мнѣ съ нимъ справиться? Лежать не хочетъ, просится посидѣть здѣсь.

ЛЕКАРЬ. А ты такъ вотъ и извольте-моль, хорошо леченье. Гдѣ Носовъ?

НОСОВЪ. Тутъ, выше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Ты же чего смотрѣлъ?

НОСОВЪ. Оттирали, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Кленъ ты этакой, оттирали; да развѣ достаточно, что оттирали? Развѣ въ первый разъ видишь раненаго? а? Кто дѣлалъ перевязку?

НОСОВЪ. Я, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Пули вынулъ?

НОСОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, пуля-то одна прошла между реберъ въ правомъ боку, а другая, ваше благородіе вскользь по тѣлю; все же прочее въ ихъ благородіи состоитъ благополучно.

ЛЕКАРЬ (*къ Марьѣ Ивановнѣ*). Стало раны опасны, а настоя-

щее безпамятство — послѣдствіе чрезмѣрной потери крови, и нѣсколько часовъ крѣпкаго сна сдѣлаютъ ему больше пользы, чѣмъ всѣвозможныя лекарства. Ну, жена, слава Богу, гора съ плечъ свалилась. Носовъ, клинки—ка двухъ молодцовъ, да перенесемте его въ спальню. (*Носовъ уходитъ*). Теперь, мать моя, еще разъ здорово, и если не раздумала, пзволь излить на мою голову все свое пегодованіе; или, постоянка, Маша, я винюсь, а повинную голову мечъ не сѣчетъ, такъ не лучше ли, дай лапку, вотъ этакъ и мировая.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*весело*). Ужъ что на тебя сердиться, Константинъ Петровичъ, сѣдъ, не передѣлаешь; ворчи, не ворчи, а захочешь снова повѣтренничать, меня вѣдь не спросишь.

ЛЕКАРЬ. Ахъ ты, моя старуха, да на твоемъ мѣстѣ не то, что сердиться, а я бы гордилась быть женою такого отчаяннаго наѣздника. Да знаешь ли, что во всѣхъ аулахъ скоро другаго и разговору не будетъ, какъ обо мнѣ? А картина—то какая, чудо, просто, говорю тебѣ чудо! Представь, по зеленому полю мчится на борзомъ конѣ красивый и статный всадникъ; въ глазахъ у него пламя, кудри играютъ съ вѣтромъ, ноги вдѣты въ стремяна по самыя пятки, фуражка слетѣла долой, полы форменнаго сюртука изображаютъ собою крылья, обонми руками безстрашно схватился онъ за переднюю луку; на хвостѣ у него сидитъ Демьянычъ съ кожанною сумкою черезъ плечо, и отважная группа эта окружена со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ дикихъ горцевъ, то—есть — на разстояніи пятнадцати верстъ. И — витязь этотъ, и герой этотъ — я! Каково? ей Богу.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Шутникъ ты этакой, а я знаю, что тебя и не на такомъ разстояніи черкесъ не испугаетъ.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, положимъ не въ пятнадцати, а въ шести верстахъ, и то какъ случилось, вѣдь ей-же-ей прекурьюзно! Вотъ, видишь—ли... (*Входитъ Носовъ и два солдата*). А, пришли; ну, ребята, поднимите—ка кресла, только чуръ осторожиѣе, вотъ такъ; теперь за мною маршъ; тише, тише, въ дверяхъ не зацѣни; Носовъ, слышишь? (*За дверью*) Ставьте по-маленьку, такъ, такъ, хорошо, ну спасибо; Носовъ, завѣсь окна и садись въ углу, да не спать у меня! (*Возвращается*).

Летаргія—то превратится въ сонъ, и пусть себѣ покоится на здоровье; я отвѣчаю, завтра же будетъ молодцомъ; а гдѣ же Анята, что я ее не вижу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ты мнѣ хотѣлъ разсказать, Константишъ Петровичъ...

ЛЕКАРЬ. Да, виновать; на чемъ бншь мы остановились? Да, да, впрочемъ, начну сначала (*Садится*). Ты не забыла, что главною причиною поѣздки моей былъ нашъ почтеннѣйшій Провъ Силычъ? Ну что за человѣкъ, вотъ это человѣкъ, ужъ точно можно сказать! Я и думаю себѣ, осмотрю отдѣльные посты, а тамъ, перекрестясь, и въ Новобранское.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Шутка—ли, пятьдесятъ верстъ!

ЛЕКАРЬ. Эхъ, матушка, велика важность пятьдесятъ верстъ, да что мнѣ пятьдесятъ верстъ? Ногу въ стремя, другую черезъ сѣдло, гикнулъ, гаркнулъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, и помчался, шагомъ разумѣется; смотришь сутки, другія, а на третью и тамъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ты все шутишь...

ЛЕКАРЬ. Чего шутишь, мать моя, какъ сказано, такъ и сдѣлано ровнехонько черезъ семьдесятъ пять часовъ прибылъ въ Новобранское. Ужъ какъ же мнѣ обрадовался Провъ Силычъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Воображаю.

ЛЕКАРЬ. Да гдѣ тебѣ! Только завидѣлъ, какъ схватить меня въ свои мощныя объятія, какъ давить, онъ же здоровенный такой, кричу: тише, тише, вѣдь жена, дочь! Кстати, что же это въ—самомъ—дѣлѣ я Аняты не вижу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Что ему сказать? (*Гролко*). Стало-быть, неправду сказали, будто Провъ Силычъ боленъ?

ЛЕКАРЬ. Было и сильно прихворнулъ, да видно такихъ Богъ хранить; бездѣлица, пуляхватила въ бедро и выцули лепешку, — расилоснулась, сударыня моя!—каковъ? Да что и говорить, левъ, совершенный левъ; представь себѣ, между лопатками уложишь ты черкеса поцерекъ;

а шея, надѣнь на нее мой сюртукъ, не застегнешь, ей-Богу; такъ раздобрѣлъ за это время, что любо. Ну, на первыхъ порахъ разспрашивалъ про то, про се; говорить, много слышалъ хорошаго въ Петербургѣ объ Аниутѣ: въ пансіонѣ все, говорить, и помнить, и жалѣють, и учились—то она славно, и вела себя, и хорошенькая она такая, и о приданомъ нужно, говорить, подумать; добрый, право! И про тебя... Да кстати, чтобъ не позабыть, — поручилъ мнѣ передать рецептъ для настойки, отъ всякихъ болѣзней излечаетъ, можетъ-быть и въ-самомъ-дѣлѣ (*Отдаетъ рецептъ*). А Демьянычъ просто осрамилъ, что утро, то пьянъ; что утро, то пьянъ; да я его ужо.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Гдѣ тебѣ! вѣдь только стращаешь, а какъ придется наказать, такъ самъ же говоришь: Марья, попроси меня за нихъ, будто для тебя прошу.

ЛЕКАРЬ. Тсъ, что ты, матушка, можно ли же это; а какъ услышать, что подумаютъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да вѣдь, ужъ знаютъ тебя, добрякъ ты мой.

ЛЕКАРЬ. Ой—ли? а знаютъ, такъ пусть ихъ. На чемъ бишь? Да, ну, вѣришь—ли? дни такъ и летѣли; я собираться, куда, говорить, поживи еще денекъ; что ты будешь дѣлать? Только вдругъ, то было въ пятницу, нѣтъ въ четвергъ, нѣтъ въ пятницу, точно въ пятницу, пакетъ отъ дивизионнаго; хлопъ приказъ выступить немедленно къ Трехгорскому, стало на нашу крѣпостцу; ну, сѣдай, выучь, заряжай, и въ ночь, поужинавъ пренсправно, отрядъ двинулся. Мы съ Провомъ Силычемъ ѣдемъ себѣ рядышкомъ; старикъ и говорить мнѣ, что племянникъ, по его расчету, долженъ къ этому времени возвращаться изъ командировки; а какъ же онъ его любить!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Знаетъ ли онъ, что Павла Сергѣича постигло такое несчастіе?

ЛЕКАРЬ. Полагаю, что знаетъ теперь; да ты не перебивай. Мы выступили въ пятницу; суббота, воскресенье, а въ понедѣльникъ, то есть, въ прошлую ночь, погода была тихая, и листъ не шевелился; вдругъ слышимъ выстрѣлъ, за выстрѣломъ другой, третій; неужто черкесы?

Провъ Силычъ и пошли взводъ лицѣевъ. Я думаю себѣ: коли выстрѣлы, стало не горохъ, а пули; сверхъ-того, черкесы по ночамъ не по тетеревамъ же стрѣляютъ, стало будутъ и раны, пужна и тряпица, и корпѣя, а при ней и лекаръ; вотъ я рыжаго и хлысь, опъ ногой, да воздуху, дуралей; я его еще, да еще; поднялъ-таки накопецъ въ козлиный галопъ, такъ, бестія и подбрасываетъ, смерть и умора, крихчу и хохочу. Нѣтъ, матушка, сердись, не сердись, а не дашь денегъ, утащу у тебя рублей сотнягу и добуду другаго коня; вѣрпшь ли, руки отнялись, а деревьевъ-то сколько попортилъ дорогой, — грѣхъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Кого-жь вы это нашли; кто стрѣлялъ?

ЛЕКАРЬ. Пстой, пстой, мать моя, не торопись, дай сообразиться. Да, отскакали версту, смотрю, а лицѣевъ-то монхъ и не видать, совсѣмъ-таки изъ слуха вопъ; глядь назадъ, Демьяновъ тутъ; стало, бѣды-то половина; не встрѣтся перекрестка, мы бы, кажется, съ Демьянычемъ проскакали ни вѣсть куда, добро рыжакъ поразогрѣлся, а можетъ-быть и поразсчелъ, что онъ одинъ, а рукъ-то у меня двѣ, — устанетъ одна, перемѣнишь другою, а спину-то перемѣнить нечѣмъ. Какъ бы то ни было, а перекрестокъ сбилъ и меня, и Демьяныча съ толку. Ну, куда ѣхать? направо? а какъ налево? налево? а какъ направо?—плохо! Подумалъ и взялъ направо. Только выскакали на поляну, глядь, батюшки мои! а влево-то отъ насъ на пригоркѣ человекъ этакъ съ десятокъ, собравшись въ кучу, такъ вотъ и крошатъ поганыхъ горцевъ; пуще всѣхъ одинъ изъ нашихъ, на свѣтломъ-то небѣ какъ обрисованный, что махпетъ соблею, то одной душой меньше у Шамиля; что повернетъ конемъ, то три-четыре космача и прочь, и прочь отъ него; а выстрѣлъ, и видишь золотой эполетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Неужто Павелъ Сергѣичъ?

ЛЕКАРЬ. Небось, догадалась, конечно онъ. Ну, ужъ потѣшилъ, мать моя; нето, что я, а Демьянычъ, вообрази, Демьянычъ, взявшись за бока, такъ и помпраетъ со смѣху; спрашиваю: чего ты смѣешься? Какъ же, говорить, ваше благородіе, вѣдь это онъ, онъ, говоритъ, ихъ изволить дупить не на шутку. Каковъ шутъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, матушки мои! что же ты сдѣлалъ?

ЛЕКАРЬ. Да что ты сдѣлаешь съ дуралеемъ, съ рыжакомъ, да съ хиною; постоялъ, постоялъ, да какъ услышалъ, что линѣйцы-то наши захватили имъ тылъ, я и тягу. Однакоже, гдѣ Анята? вѣрно не знаетъ, что я пріѣхалъ. (*Подходитъ къ двери*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Какъ ему сказать? вѣдь разсердится непремѣнно. (*Громко*). Константинъ Петровичъ, не хочешь ли ты заку- сить чего съ дороги?

ЛЕКАРЬ. А что ты думаешь, вѣдь не мѣшаетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Такъ я мигомъ приготовлю. (*Хочетъ идти*).

ЛЕКАРЬ. Постой, постой, мать моя; ты лучше разбери-ка чемоданъ, да положи лекарства въ шкафъ, а поѣсть дасть и Анята. Здорова ли она?

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ замѣшательствомъ*). Здорова, разумѣется.

ЛЕКАРЬ. Что?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Я говорю, здорова, Константинъ Петровичъ, что ей сдѣлается? (*Всторону*). Какъ онъ странно смотреть на меня.

ЛЕКАРЬ. А здорова, тѣмъ лучше; вѣрно въ саду копается.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, вѣрно въ саду, должно быть въ саду.

ЛЕКАРЬ (*посмотрѣвъ на нее долго*). Жена, гдѣ Анята?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Другъ мой, какой у тебя страшный голосъ!

ЛЕКАРЬ. Позови мнѣ Аняту.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Богъ мой, что мнѣ дѣлать! Да скажу ему просто.. (*Громко*). Анята, кажется, еще не возвратилась.

ЛЕКАРЬ. Не возвратилась? стало, ея пѣтъ здѣсь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Другъ мой, не сердись; я, вотъ видишь ли, отпустила ее къ дядѣ, съ батальономъ, который привозилъ провіантъ.

ЛЕКАРЬ (*смягчаясь*). Въ Трехгорское.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да, душа моя; дѣвочка соскучилась; самъ посуди, одна одиноконька; тамъ же сестры.

ЛЕКАРЬ. Что же ты такъ перетревожилась? отпустила, и дѣло сдѣлала.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да я думала, да я полагала... ты такъ страшно смотрѣлъ на меня.

ЛЕКАРЬ (смѣясь). А у тебя и душа въ пятки; старуха ты моя глухая, перепугалась.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Испугалась, признаюсь, Константинычъ Петровичъ.

ЛЕКАРЬ. Ну, ну, поди сюда, дурочка. (*Цѣлуетъ ее съ ипжностію въ лобъ*). Нечего дѣлать, дочку отпустила, сама маршь на кухню, да живѣй. Мнѣ бы, понастоящему, надлежало явиться къ Кондратию Ивановичу, — служба; ну да онъ добрый, со старика не взыщеть. Я же привезъ ему кстати вѣсточку — кисточки на эполеты.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, произведенъ?

ЛЕКАРЬ. Въ маіоры, и въ приказахъ есть; да что же — достоинъ этой чести.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ я рада; пойти поздравить его?

ЛЕКАРЬ. Нѣтъ, нѣтъ, погоди; а вотъ закушу, такъ пойдемъ вмѣстѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Быть по твоему; какъ же онъ будетъ доволенъ. (*Ставитъ столъ, вынимаетъ посуду изъ шкафа, потомъ уходитъ. Въ это время лекаръ вызываетъ Носова изъ комнаты больного*).

ЛЕКАРЬ (къ Носову). Что — спитъ?

НОСОВЪ. Спитъ, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ (*разбирая чемоданъ*). А больные есть у насъ?

НОСОВЪ. Семь человѣкъ.

ЛЕКАРЬ. Ого, порядочно; чѣмъ же они больны?

НОСОВЪ. Четырехъ свалила фебрисъ инфламаторіа невроза, а у трехъ дизентерія.

ЛЕКАРЬ. Что же ты имъ давалъ?

НОСОВЪ. Далъ по полдрахмы ялапы, ваше благородіе, а этимъ

тремъ замѣшалъ нукеу съ вомигой, да на глазомѣрь присыпалъ салепу, легче стало, выздоравливають.

ЛЕКАРЬ. Ладно; снеси же ты тремъ выздоравливающимъ по порціи кахетинскаго, у жены возмешь бутылку, да чуръ не пить самому, нето вѣдь ты меня знаешь?

НОСОВЪ (*всторону*). Какъ моль не знать.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*приноситъ на двухъ тарелкахъ два кушанья*). Покуда откушай этого, а ужю поужинаешь, Константинъ Петровичъ.

ЛЕКАРЬ. Спасибо, мать моя; спасибо, и этого довольно будетъ до завтра; а ты, Маша, отпусти ему бутылку красенькаго. (*Садится за столъ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*ставя на столъ графинъ съ водкою*). А вотъ и бальзамная по твоей пропискѣ, Константинъ Петровичъ; давеча Кондратій Иванычъ отвѣдалъ, такъ хвалить.

ЛЕКАРЬ. Цвѣтъ хорошъ, а о вкусѣ скажемъ. (*Пьетъ*). Чудная, спасибо, отменно, то-есть, чудная. (*Показываетъ знакомъ чтобъ она дала рюмку Носову*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Нравится, мой другъ, такъ я долью бутылъ. (*Подноситъ будто бы украдкою Носову рюмку водки, который, выпивъ ее, утираетъ ротъ рукавомъ. Марья Ивановна садится рядомъ съ мужемъ*).

ЛЕКАРЬ. Ладно, ладно! Ты же, моя матушка, не хочешь закусить со мною? Чай все это время было не до ѣды.—А у Прова-то Силыча, что за баранина! Кто его знаетъ, откуда беретъ онъ такое сокровище,—вѣришь ли, бѣла, какъ простокваша; у него же поваръ, Маша, изъ Тифлиса, кажется; посмотришь на него, ѣсть захочется, — вотъ этакой! (*Въ дверяхъ показывается капитанъ*). Анюта-то у насъ бѣлоручка, а то, мнѣ кажется, я могъ-бы научить ее, какъ приготовить сальникъ съ изюмомъ, да съ грецкими орѣхами; пальчики оближешь, сударыня! (*Замѣтя капитана*). Кондратій Иванычъ! (*Лекаръ поспѣшно встаетъ*). Виноватъ, вдвойнѣ виноватъ, просрочилъ и не явился еще къ вашему высокоблагородію.

КОМЕНДАНТЪ. (*Жметъ ему руку*). И, Константинъ Петровичъ!

ЛЕКАРЬ. Честь имѣемъ поздравить ваше высокоблагородіе, то-есть настоящее высокоблагородіе, господинъ маіоръ.

КОМЕНДАНТЪ (*съ улыбкою*). Неужто правда?

ЛЕКАРЬ. Сущая, неоспоримая, печатная въ приказахъ.

КОМЕНДАНТЪ. Благодарствуйте за добрую вѣсть, Константинъ Петровичъ; признаюсь, то-есть, откровенно и ожидалъ, а все какъ-то брало сомнѣніе; думается и то, думается и другое; ну, какъ бы то ни было, спасибо вамъ. Однако садитесь-ка, почтеннѣйшій, и я къ вамъ подсяду.

ЛЕКАРЬ (*садясь*). Маша, приборъ маіору, да бутылочку хорошенькаго и рюмку его высокоблагородію.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, благодарю, Марья Ивановна, пить не стану, а вѣсть не хочется.

ЛЕКАРЬ. Что такъ? ужъ не требуетъ ли желудокъ рекогносцировки?— А въ-самомъ-дѣлѣ, вы какъ-будто не такъ, чтобы очень, Кондратій Иванычъ. Захлопотались видно по службѣ?

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, служба по костямъ.

ЛЕКАРЬ. Стало, соскучились сидѣть въ окопѣ, сердечко-то попрашивается на просторъ? Понимаю, почтеннѣйшій, да еще какъ понимаю. Ну что, хотя бы взять нашего брата лоскутника; вѣдь только и есть, что возишься съ подержанными, да повиздранными шкурами; тутъ зашьешь, тамъ приставишь лапикъ, а въ ипомъ мѣстѣ вырѣжешь; съ виду-то должность, кажется, и нето, чтобы очень, а и тутъ долго посидишь безъ дѣла, и неловко, ей-Богу! То-ли дѣло ваша жизнь, Кондратій Иванычъ! что я пробылъ у Прова Силыча, а вспомню, такъ вотъ и защекочитъ за сердце. Не музыка, такъ стрѣльба, не стрѣльба, такъ музыка; и умреть-то подъ музыку вѣдь прелесть. Давеча на привалѣ, усѣлись мы съ нимъ въ экарте, играемъ; палатку нашу раскинули на обочинѣ дороги, налѣво ровъ, направо скатъ; сидимъ,—вдругъ пафъ! подсвѣчникъ перевернулся; смотримъ—пуля, да ослабѣла, сердечная, должно-

быть на излетѣ. Я-таки, правду сказать, и почесалъ себѣ затылокъ; Провъ же Сплычъ хоть бы усомъ повелъ,—куплю, говорить,—а? вотъ это жизнь!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. И не страшно?

ЛЕКАРЬ. Страшно, что страшно? пуля? да такъ страшно, что привыкнешь наконецъ; да и надоѣсть одно и то же; подь-часъ и говорить-то мѣшаютъ, проклятыя, только и слышишь, что псъ, да псъ, куда ни повернешься. А ты лучше попроси-ка капитана, маіора бишь, виновать, поразсказать тебѣ, страшно ли было ему лѣзть на Ахульго?

КОМЕНДАНТЪ. Старая пѣсня, Константинъ Петровичъ?

ЛЕКАРЬ. Старая, пусть-себѣ, да лучше новой. Коли Богъ приведетъ дожить до ста лѣтъ, и языкъ повиснетъ, я все-таки буду пѣть правнучатамъ эту старую пѣсню.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Былъ развѣ ты тамъ, Константинъ Петровичъ?

ЛЕКАРЬ. Гдѣ, подь Ахульго?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да.

ЛЕКАРЬ. То-есть, какъ бы тебѣ сказать, издали видѣлъ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, постойте, не такъ, ужъ ежели разсказывать, такъ разсказывать, какъ было.

ЛЕКАРЬ. Я вотъ и хотѣлъ...

КОМЕНДАНТЪ. Такъ зачѣмъ же говорить, что видѣли издали?

ЛЕКАРЬ. Съ перевязочнаго пункта.

КОМЕНДАНТЪ. А перевязочный-то пунктъ былъ небось за сто верстъ?

ЛЕКАРЬ. За сто не за сто, да что объ этомъ! Ты представь себѣ, Маша, что на поднебесной скалѣ горцы сплели каменное гнѣздо; да добро была бы скала, какъ Богъ ихъ обыкновенно созидаетъ; нѣтъ, мать моя, попробуй, плюнь сверху, донизу ничего не долетитъ, — вотъ и бери! Французъ сталъ бы хорохориться, да вести подкопы; Англичанинъ придѣлалъ бы конечно машину какую-нибудь тамъ; пожалуй, сталъ бы сверлить или парить; а паши, какъ бы не такъ, — приставили

лѣстницу, охотники впередъ, значить всѣ, и лѣзутъ; мало одной, приставили къ первой вторую, ко второй третью; оно бы, казалось, и просто, да вотъ въ чемъ штука, что черномазые-то въ это время такъ вѣдь и посыпаютъ орѣшками, а для разнообразія и бревнышками и камушками въ эту печь; что хватятъ, то нѣтъ никого; смотришь, минута, и опять полнехонько; долѣзли—таки наконецъ. Хлопъ, стѣна—то глухая, ни скважинки; не полѣзешь же назадъ, коли русскій; да сверху и видъ—то чудный! Не такъ ли, ваше высокоблагородіе? Вѣдь Кондратій Ивановичъ умѣй только рисовать, снялъ бы съ природы всѣ трещинки укрѣпленія; времени было довольно: 8 битыхъ часовъ закуривать изволилъ трубку свою черкесскими пыжами; а мы, смотря на нихъ снизу, шу въ ладоши, словно въ театрѣ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ахъ, батюшка, страсти какія! И Богъ васъ спасъ, Кондратій Ивановичъ?

ЛЕКАРЬ. Ихъ—то спасъ; и какъ только повытаскали изъ гнѣзда ястребятъ, да воткнули въ облачко русское знамя, такъ и снесли намъ кто что, а Кондратій Иванычъ вотъ эту трещину, что на лбу.

КОМЕНДАНТЪ. Которую перевязалъ мнѣ Константинъ Петровичъ, при свистѣ свинцовыхъ соловьевъ; помню, дружище, помню и то, что изъ вашего же плеча вытащили тогда же что-то очень похожее на голушку.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, мой другъ, и ты былъ раненъ?

ЛЕКАРЬ. Экая диковина, подумаешь, добро бы въ первый разъ; или не помнишь, мать моя, какъ свекоръ, цѣлясь въ козла что ли, попалъ мнѣ дробиною въ самое ухо; то же случилось и тутъ. Нужда имъ большая тратить порохъ на такую дичь, какъ наша братья. Шальная, ошибкой, лизнула мимоходомъ, да видно совѣстно стало, — тутъ же отскочивъ, впила въ сердце новообранца,—не ахнулъ, сердечный,—будто теперь передъ глазами. Однако дѣло—то, какъ я вижу, плоховато, и что хочешь дѣлай, а маіора нашего видно ни чѣмъ не развеселишь; я краснобаю, а самъ приглядываюсь, или боленъ Кондратій Иванычъ, или — ужъ Богъ его знаетъ!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Ну какъ я ему скажу! Словно, на зло онъ весель сегодня. (*Громко*) Болѣнь не болѣнь, Константинъ Петровичъ, а неловко что-то.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что же съ вами, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Ничего особеннаго, Марья Ивановна; дѣляшки есть кой-какія, такъ хотѣлось бы, знаете, переговорить.

ЛЕКАРЬ. Со мною, что-ли?

КОМЕНДАНТЪ. Да, почтеннѣйшій.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Не уйти ли мнѣ?

КОМЕНДАНТЪ. Вы простите, Марья Ивановна, и какъ бы вамъ сказать, то-есть...

ЛЕКАРЬ. А вотъ какъ: убирайся-ка, мать моя; можно, впрочемъ, и поделикатнѣе, — гмъ! гмъ! Маша! вѣдь погода прекрасная, ужъ не прогуляться ли тебѣ? (*Смѣется*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Иду, иду! забавникъ ты этакой!

ЛЕКАРЬ. Эхъ, жена! кабы намъ лѣтъ по сорока съ плечъ долой, таковъ ли я былъ бы?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Мало ли что, Константинъ Петровичъ; тебѣ и еще пяточекъ сбросить можно.

ЛЕКАРЬ. Ахъ ты проказница! (*Цѣлуетъ ее и провожаетъ, смѣясь, до дверей, потомъ возвращается назадъ*). Ну, командиръ, къ услугамъ вашего высокоблагородія; а вѣдь напередъ знаю, отчего изволили нахмуриться; не опять ли старушка матушка заставляеть сына жениться? Чтожъ, поищемъ комендантши, а съ густыми-то долго искать не будемъ; нужно же и старушку потѣшить. Знаете ли, Кондратій Иванычъ, перетащите-ка матушку къ намъ въ редутъ; театровъ она не любить, на балы не ѣздитъ, а за преферансомъ дѣло не станетъ, и самъ я покорный слуга, и Марью выучу, — тупенька правда, — какое дѣло, копѣйка не разорить.

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Фу, ты прощась, какое мерзкое положе-

нѣ! (*Громко*). Нѣтъ почтеннѣйшій Кондратій Иванычъ, дѣло не въ женитбѣ и далеко не въ преферансѣ, какой тутъ преферанс!

ЛЕКАРЬ. Ба! стало (*пониживъ голосъ*), ужъ не потребны ли пенизы? Стоитъ задумываться! Марью за бока! Богъ ее знаетъ, какъ она это дѣлаетъ; а коли сотнягъ пять довольно, такъ вотъ и рука моя, что въ чулкѣ гдѣ-нибудь между бѣльемъ отыщется.

КОМЕНДАНТЪ. Кой прахъ! Нужда мнѣ большая въ деньгахъ! Да провались онѣ! Не деньги, почтеннѣйшій, а такое горе, что и не знаю, какъ высказать.

ЛЕКАРЬ. Ой-ли?

КОМЕНДАНТЪ. Да, Константинъ Петровичъ, хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а лучше бы, кажется, согласился потерять одинъ глазъ, чѣмъ... чѣмъ...

ЛЕКАРЬ. Чѣмъ что?

КОМЕНДАНТЪ. Чѣмъ... (*Всторону*). Тфу, прошу покорно, и мнѣ поручить такое дѣло,—нашелъ же человекъ!

ЛЕКАРЬ. Кондратій Иванычъ, не узнаю, ей-Богу, не узнаю! Вѣдь подумашь, Кавказъ провалиться долженъ; — ну что же, жили вмѣстѣ, и умремъ вмѣстѣ, — на людяхъ и смерть красна.

КОМЕНДАНТЪ. Кабы оно такъ?

ЛЕКАРЬ. Хуже небось?

КОМЕНДАНТЪ. Хуже, да еще такъ хуже, что языкъ хоть щипцами отдирай отъ гортани, не ворочается; что ты будешь дѣлать?

ЛЕКАРЬ (*смѣясь*). Ай-да маіоръ, ай-да комендантъ! Стыдитесь, Кондратій Иванычъ! Какой примѣръ подчиненнымъ!

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Онъ же смѣется! (*Громко*). Такъ слушайте же.

ЛЕКАРЬ. Давно готовъ.

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Того смотрю, что хлопнется, ей-Богу.

ЛЕКАРЬ. Ну что же?

КОМЕНДАНТЪ (*всторону*). Да будетъ, что будетъ! (*Громко*). Константинъ Петровичъ! (*Всторону*). Провалиться бы сквозь землю! (*Громко*). Константинъ Петровичъ! Богъ, благъ великъ, Онъ всемогущъ и великъ... такъ?

ЛЕКАРЬ Такъ.

КОМЕНДАНТЪ. Великъ и милосердъ! и все, что посылаетъ по премудрости своей челоуѣку, изъ любви, изъ того, чтобы, испытать челоуѣка...

ЛЕКАРЬ. Прекрасно сказано и съ чувствомъ; что же потомъ?

КОМЕНДАНТЪ. А потомъ. потомъ и челоуѣкъ, или созданіе должно чувствовать, что Богъ, любя челоуѣка, посылаетъ скорби, и покоряться со смиреніемъ...

ЛЕКАРЬ. И это справедливо.

КОМЕНДАНТЪ. А справедливо, такъ и вы, Константинъ Петровичъ, должны по вѣрѣ, изъ покорности...

ЛЕКАРЬ. Кондратій Ивановъ! говорите вы и складно, да вотъ, видите ли, однимъ бы разомъ лучше; я, по совѣсти, ничего особеннаго не боюсь; наконецъ, что бы ни было, допустимъ выговоръ, ну арестъ, виновать и по дѣломъ, а невиненъ — оправдаюсь.

КОМЕНДАНТЪ. Арестъ, за что арестъ?

ЛЕКАРЬ. За долгую отлучку, за неисправность, мало ли!

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, нѣтъ! успокойтесь, дружище; за доброе дѣло ни арестовъ, ни выговоровъ не бываетъ; а коли сказать...

ЛЕКАРЬ. Ну!

КОМЕНДАНТЪ. Анна Константиновна бѣжала съ офицеромъ! Да, бѣжала по любви, а что всего хуже, поналась Черкесамъ! (*Лекаръ хватаетъ себя за голову*): Вотъ что я долженъ былъ сказать вамъ, мой бѣдный Константинъ Петровичъ! Велико несчастіе, страшно оно! Но будьте мужественны, крѣнитесь! Богъ милосердъ! Марья Ивановна ничего еще не знаетъ, — вотъ она!

ЛЕКАРЬ. (*судорожно схватя коменданта за руку*). Тсъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же комната; на окнѣ сидитъ Носовъ; онъ, напѣвая заунывную пѣсню, толчетъ что-то въ мѣдной иготи. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ послѣ поднятія занавѣса, со стороны двора подходитъ къ окну молодой солдатъ; лѣвая рука его обвязана платкомъ, и онъ держитъ ее согнутою и неподвижною. Вечеръ.

СОЛДАТЪ. Всталъ что-ли лекаръ?

НОСОВЪ. Вотъ для тебя такъ и разбудить сейчасъ! Чего та-скаешься?

СОЛДАТЪ. Надобно бы того.

НОСОВЪ. Мало что надобно!

СОЛДАТЪ. Да рука, Захарычъ, больно ломить, снадобья бы, како-го ни-на-есть.

НОСОВЪ. Напасешься на васъ снадобьемъ; со всякою дрянью лѣзете; ну что тамъ у тебя, оцарапали небошь? туда же за снадобьемъ!

СОЛДАТЪ. Коли бы оцарапали, не сталъ бы скучать, Захарычъ; и то пыталъ и тѣмъ, и сѣмъ, да нѣтъ не легчаетъ; боишься того, чтобы кость какъ-нибудь ..

НОСОВЪ. Небошь вывалится?

СОЛДАТЪ. Ребята смотрѣли, говорятъ, вся наружу.

НОСОВЪ. Вотъ проснется, увидимъ; гдѣ жъ это тебя угораздило?

СОЛДАТЪ. Да вотъ, ономнясь съ провіантомъ шли, и лощинка-то выдалась махонькая; идемъ себѣ — ничего; анъ тутъ откуда ни возьмись, словно изъ земли повылѣзли, и ну палить; ничего; взводный-то и говоритъ, какъ бы, ребята, того; вотъ мы, знаешь, и кинулись на нихъ, а они-то и шастъ въ нерелѣсокъ, ничего; чаща такая, что Господи помилуй.

НОСОВЪ. Такъ, стало, хватило-то тебя кругленькою.

СОЛДАТЪ. Петрова круглячкомъ, а меня-то... Вотъ какъ вышли изъ лощины... Идемъ ничего; глядь за кустъ, лежитъ себѣ, черкесина ничкомъ и дыханье поганое притаплъ; думаю, видно пришибли, ничего; иду мимо, только поровнялся, а онъ и хватъ меня по плечу; я обернулся; сгоряча-то обожгло словно; нѣтъ, братъ, баста, думаю, да и на него, а онъ тягу, я за нимъ, а онъ отъ меня, я за нимъ, а онъ отъ меня; ребята-то хохочутъ; только на поляну выскочилъ, словно вотъ нелегкая его за ногу схватила, какъ грянется о земь, на спину, да и ну махать шашкой! Чтò ты будешь дѣлать? Хочу поднять ружье, нѣтъ, не въ мочь; я за тесакъ, а взводный и кричитъ: не тронь, возьми, говоритъ, живьемъ! Да какъ его возьмешь? Какъ не возьмешь, а возьми, говоритъ, нето того...

НОСОВЪ. Чтò же? взялъ наослѣдокъ?

СОЛДАТЪ. И по дѣломъ космача! Да чего, блажной такой, ей Богу! идетъ съ нами рядушкомъ и горюпки мало; взводный цытался было съ нимъ заговорить, куды! голову загнулъ назадъ и шапки не ломаетъ; бормочетъ себѣ чтò-то по своему, — смѣшной такой. Пришли на приваль, дай, думаю, поднесу ему кашицы, вѣдь человѣкъ, — ѣсть хочетъ.

НОСОВЪ. Чтò же, поѣлъ?

СОЛДАТЪ. Ничто—поѣлъ; я, того, и винца поднесъ, и винца спробоваль, да не по натурѣ, видно, какъ завертитъ головой, да заплюетъ, а ребята хохочутъ себѣ, помираютъ.

НОСОВЪ. Стоягъ вашей братьѣ давать порцію, нехристей поить!

СОЛДАТЪ. Думалъ, Захарычъ, пьютъ и они, дай поднесу того...

НОСОВЪ. Дай поднесу нехристу, а нѣтъ того, чтобы поднесъ своему; а вотъ рука повиснетъ, лезешь небось.

СОЛДАТЪ. Не взыши, Захарычъ, вѣдь мнѣ и не вдогадъ, что ты потребляешь.

НОСОВЪ. Невдогадъ, словно я нехристь какой; поишь космача, пускай же онъ тебя и перевязываетъ.

СОЛДАТЪ. И то брался, да Кузьмичъ, говорить того, дай заговорю; я, признаться, и послухалъ; онъ шепталъ, шепталъ, шепталъ, шепталъ, а руда такъ и льетъ, обомлѣлъ ажно, ей-Богу.

ТЪЖЕ и КОМЕНДАНТЪ. Носовъ машетъ солдату, который скрывается, а самъ соскакиваетъ съ окна и застегивается.

КОМЕНДАНТЪ (*угрюмъ и задумчивъ*). Что Константинъ Петровичъ?

НОСОВЪ. Спать, ваше высокоблагородіе.

КОМЕНДАНТЪ. Дуралей, развѣ я спрашиваю тебя объ этомъ; здоровъ ли лекарь?

НОСОВЪ. Спать, такъ распознать нельзя, ваше высокоблагородіе; ночью разовъ пять просыпались, спрашивали.

КОМЕНДАНТЪ. Молчи, болванъ, да попроси ко мнѣ Марью Ивановну, — слышишь?

НОСОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе. (*Дѣлаетъ нальво кругомъ и уходитъ*).

КОМЕНДАНТЪ. Бѣдный старикъ, — не вынесъ, заплъ съ горя, а чѣмъ-то еще все это кончится. Двое сутокъ не промолвилъ онъ ни одного слова, ни одной жалобы. Ни увѣщанія жены, ни мои просьбы не могли урезонить его. Я скрылъ имя похитителя, впрочемъ онъ и не спрашивалъ; къ чему, говорить, знать мнѣ его имя, развѣ дочь моя не пропала? и возвратись она, не будетъ ей прощенья! А бѣдная мать!..

Но вотъ и она, какъ измѣнилась, какъ постарѣла въ это время (*Идетъ къ ней навстрѣчу*). Марья Ивановна, добрая Марья Ивановна, горько вамъ, моя почтенная? (*Онъ плачущую Марью Ивановну усаживаетъ въ кресло*). Посѣтилъ васъ Господь новымъ и тяжкимъ испытаніемъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*сквозь слезы*). За чѣмъ же не смертью, Кондратій Иванычъ?

КОМЕНДАНТЪ. Затѣмъ, что избранныхъ Своихъ отмѣчаетъ Онъ скорбью на земли, а кто любитъ Его, тотъ, вспомя, что и Онъ скорбѣлъ за насъ, смирится, преклонитъ голову и скажетъ: Боже мой, не ропщу, а молюсь, помилуй; вотъ что, Марья Ивановна.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Да будетъ-же надъ нами Его святая воля; а горько, очень горько!

КОМЕНДАНТЪ. Вѣрю, вѣрю, и не утѣшаю пустыми словами; ни чести, ни жизни не воротишь, а разбойники не пощадятъ, примѣровъ не было, и надежда плохая. А я къ вамъ съ просьбою.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ко мнѣ, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Къ вамъ, моя почтенная. Константинъ Петровичъ не надеженъ сталъ; не осуждаю, слабъ человекъ, а все-таки грѣшитъ онъ предъ Богомъ. Слова нѣтъ, велико несчастіе, да вѣдь и жизнь то коротка; перетершимъ здѣсь, слюбится выше.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Погибла моя головушка! Онъ умретъ безъ покаянія.

КОМЕНДАНТЪ. Не отчаявайтесь, матушка, авось придетъ въ себя; я снова потолкую съ нимъ, можетъ и уговорю; сегодня же къ намъ въ редутъ пожалуетъ Провъ Силычъ съ отрядомъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всплеснувъ руками*). Какъ, сегодня? А Константинъ-то Петровичъ мой....

КОМЕНДАНТЪ. На этотъ счетъ не тревожьтесь, я все улажу, предупрежу полковника, онъ благородный человекъ и мужа вашего любитъ, какъ брата роднаго. (*Всторону*). Если бы старуха, да знала, что не

кто другою, какъ племянникъ... ну, да пусть ее лучше ничего не знаетъ: *(Громко)*. А я, Марья Ивановна, и пришелъ къ вамъ единственно за-тѣмъ, чтобы попросить комнату другую въ домѣ вашемъ для дорогаго гостя; у меня, вотъ видите-ли, потолки-то пообсѣли, такъ подпираютъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Что вы, Кондратій Ивановичъ! Да не то, что комнату, а весь домъ и всѣ мы къ услугамъ благодѣтеля; не посѣти насъ Господи такимъ горемъ, то-то-бы радость.

КОМЕНДАНТЪ. А можетъ-быть, и сама судьба посылаетъ Прова Силыча; кто знаетъ, — не въ силахъ были мы удержать Константина Петровича, — совѣты друга, статья можетъ, и подѣйствуютъ на старика.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Дай-то Богъ, дай-то Богъ! *(Помомавъ)*. А объ Анютѣ-то нашей, Кондратій Ивановичъ, и слуха нѣтъ; давно хотѣла спросить и боялась....

КОМЕНДАНТЪ. Какого же ждать слуха, матушка Марья Ивановна! *(Всторону)* Солгу нечего дѣлать. *(Ей)* Въ батальонѣ-то, что возвратился въ Трехгорское, слышали наши ребята на дорогѣ, что дочь ваша проѣхала, моль, съ какимъ-то незнакомымъ офицеромъ, и что черкесы напали на нихъ; вотъ что говорили достоверно; стало, какихъ же еще слуховъ добиваться. Впрочемъ, во всемъ Богъ воленъ, авось и порадуетъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Не смѣю надѣяться и не надѣюсь, Кондратій Ивановичъ, достойны ли мы Его благодати! *(Плачетъ)*. Одного въ голову не беру, какой-же это безбожникъ рѣшился насильно увезти Анюту; она же, голубушка моя, никого не видала, никого не знала изъ офицерства. Вотъ уже годъ, какъ привезли ее къ намъ изъ пансіона; самимъ вамъ извѣстно, былъ ли у насъ кто-нибудь чужой, кромѣ Павла Сергѣича, который любилъ и ласкалъ ее; и его сердечнаго убило это горе, словно родная ему наша дочь, — благородная душа!

КОМЕНДАНТЪ *(всторону)*. Хорошо благородство! *(Громко)*. Эхъ, матушка Марья Ивановна, что больше думать, то хуже; и на что вамъ знать, кто этотъ злодѣй? За такія дѣла взыщетъ Богъ строже нашего... Но позвольте.— Такъ точно, Константинъ Петровичъ проснулся; онъ идетъ сюда; останьтесь вы при немъ, моя почтенная, а я, признаюсь, не могу

видѣть его въ такомъ положеніи, уйду поскорѣе. Кстати, объявите ему о пріѣздѣ полковника, посмотримъ, что будетъ. Покуда прощайте, Марья Ивановна, да не тужите, Богъ великъ! (*Уходитъ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*смотря на дверь комнаты лекаря*). Онъ идетъ, проглочу слезы, пускай не напоминаютъ онѣ ему о нашемъ несчастіи, пускай хоть минуту отдохнетъ душою, мой бѣдный старикъ! (*Лекаръ выходитъ изъ своей комнаты; онъ блѣденъ и слабъ; волосы и одежда его въ безпорядкѣ*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*). Застушница Небесная, какъ онъ сталъ страшень! (*Идетъ къ нему на встрѣчу. Громко*). Родной мой, другъ ты мой, Константинъ Петровичъ! (*Не можетъ продолжать и плачетъ*).

ЛЕКАРЬ (*долго и пристально смотритъ на Марью Ивановну, глаза его выражаютъ совершенное отчаяніе*) Слезы, слезы, и вѣчныя слезы! вотъ что есть, что будетъ, что будетъ до могилы!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Зато тамъ, другъ мой, зато въ могилѣ!...

ЛЕКАРЬ (*говоритъ съ разстановками*). Да тамъ не будетъ слезъ, не будетъ ихъ и надъ могилою,—плакать некому! (*Утираетъ слезу*). Жена, дай вина, да подмѣшай въ него чего-нибудь, авось будетъ крѣпче!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Родной мой, неужели тебѣ не жаль меня, или ты не любишь больше старухи?

ЛЕКАРЬ (*съ ипжностію*). Не жаль? (*Отводитъ ее всторону*). А такъ жаль, что взялъ бы ножъ и прокололъ бы имъ твое сердце, чтобъ не страдало оно! — а такъ люблю, что видишь, — пью, чтобъ не видать этихъ слезъ, не слышать этихъ стонувъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ отчаяніемъ*). Опять, опять! Нѣтъ не нужно не нужно! Другъ мой, ты не знаешь, благодѣтель нашъ прибудетъ сію минуту съ отрядомъ своимъ, и онъ остановится здѣсь.

ЛЕКАРЬ (*который вынулъ уже графинъ, медленно ставитъ его*). Стало пить нельзя, приberi графинъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Самъ посуди, что онъ скажетъ, что онъ поду-

маеть! И не ввѣрилъ ли опъ дружбѣ твоей своего племянника , своего дѣтища, который вотъ уже двое сутокъ, какъ безъ помощи.

ЛЕКАРЬ. Безъ помощи! безъ помощи, а лекарь я одинъ! (*Вздыхаетъ*). Нечего дѣлать, запрягай меня, возьми плеть, да погоняй! Съ стараго негоднаго коня шкуру деруть, а лекарь лечи, покуда дышетъ. И старъ, и слабъ, и — все таки лечи. (*Садится на кресло и звонитъ. Входитъ Носовъ*).

ЛЕКАРЬ (*пристально смотря на него; помолчавъ*). Есть больные?

НОСОВЪ. Двое дожидаются въ передней.

ЛЕКАРЬ. Зови сюда! (*Входитъ солдатъ, который говорилъ съ Носовымъ у окна, и старый инвалидъ*).

ЛЕКАРЬ (*молодому солдату*). Что у тебя?

СОЛДАТЪ. Изъянъ выше плеча, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Давно ли?

СОЛДАТЪ. Третьи сутки, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Что же ты молчалъ?

СОЛДАТЪ. Приходилъ раза четыре, ваше благородіе; сказали не приказано будить.

ЛЕКАРЬ. Да, правда! (*Всторону*). Онъ страдаетъ, какъ прілично честному и доброму солдату, безъ жалобы, безъ ропота; онъ гордится своимъ страданьемъ; а я страдаю съ горя; съ какого, спросятъ добрые люди, — что я имъ скажу? (*Сжимаетъ кулаки, потомъ вдругъ успокоивается*). Подойди сюда, нагнись, я встать не въ силахъ. Носовъ, развяжи ему рану. (*Смотритъ*). Ладно, закрой. (*Вынимаетъ изъ столоваго ящичка горсть серебра и отдаетъ солдату*). На, возьми, а ужо зайдешъ, мы руку отнимемъ; ступай.

СОЛДАТЪ. Благодаримъ покорно, ваше благородіе, дай Богъ вамъ многія лѣта прожить за вашу доброту.

ЛЕКАРЬ. Ну, хорошо! ступай, ступай! (*Солдатъ уходитъ, а лекарь обращается къ старому инвалиду*). Тебѣ что?

ИНВАЛИДЪ (*плачевнымъ голосомъ*). Ваше благородіе, отецъ нашъ, не оставьте милостью.

ЛЕКАРЬ. Нужно денегъ, что ли?

ИНВАЛИДЪ. Пѣтъ, ваше благородіе, денегъ не нужно, а захворала у меня дочь.

ЛЕКАРЬ (*вскакивая*). Дочь! дочь, говоришь ты?

ИНВАЛИДЪ. Дочь, ваше благородіе; вотъ двѣ ночиньки напролетъ какъ мучится голубушка, и насъ то стариковъ не узнаеть.

ЛЕКАРЬ (*съ возрастающимъ волненіемъ*). А какихъ лѣтъ дочь твоя?

ИНВАЛИДЪ. Семнадцати, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. И пригожа она?

ИНВАЛИДЪ. Какъ солнце красное!

ЛЕКАРЬ (*въ изступленіи*). Такъ чего же ты просишь?

ИНВАЛИДЪ. Спасите ее, батюшка, спасите, умираеть.

ЛЕКАРЬ. Спасти дочь твою, спасти отъ смерти? а зачѣмъ? а на что? а что тебѣ изъ этого?

ИНВАЛИДЪ. Батюшка, ваше благородіе, да вѣдь дитя—то у насъ одно.

ЛЕКАРЬ. Одна, одна! Пади же на колѣна, молись, плачь, рыдай, и ежели ты правъ, Богъ сжалятся и возьметъ дитя твое чистое, непорочное, а тамъ свѣтлые ангелы примутъ ее, улыбнутся ей (*тихо*) и твоя сѣдины не осквернятся позоромъ, и на твою голову не надетъ стыдъ и безчестіе. (*Онъ закрываетъ лицо руками, потомъ, вздохнувъ, продолжаетъ спокойно*). Ты любишь ее, старикъ?

ИНВАЛИДЪ. Еще какъ люблю, ваше благородіе!

ЛЕКАРЬ (*озираясь во всѣ стороны, и хватая его за руку*). А что ты сдѣлалъ бы, еслибъ дочь, которую ты любишь, забывъ и свой долгъ и свои обязанности, покинула тебя на старости лѣтъ, а? что бѣ ты сдѣлалъ, еслибъ дочь твоя осмѣяла морщины старухи матери,

и поправъ пятою доброе имя и добрую славу ея, бросила бы имя это на порицаніе, на тайный смѣхъ, на позоръ добрымъ людямъ, обрекла стариковъ родителей на вѣчную скорбь и отчаяніе, убѣжала бы сама съ обольстителемъ, — что бы ты сдѣлалъ, старикъ, — говори, говори?

ИНВАЛИДЪ. Дочь моя не сдѣлаетъ этого, ваше благородіе.

ЛЕКАРЬ. Не сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ, глупецъ! Не говорилъ ли я тоже самое два дня назадъ, не положилъ ли бы я за нее сѣдую голову мою на плаху; а чѣмъ же я тебя хуже, — чѣмъ? тѣмъ развѣ, что любилъ ее, какъ ты любить не сумѣешь? тѣмъ, что въ молитвахъ моихъ говорилъ съ Богомъ только о ней? просилъ за нее, благодарилъ за нее же? И ты смѣешь говорить мнѣ, мнѣ, что твоя дочь того же не сдѣлаетъ!

ИНВАЛИДЪ. Нѣтъ, не сдѣлаетъ!

ЛЕКАРЬ (съ бѣшенствомъ). Не сдѣлаетъ? Такъ пойдемъ же, я возвращу тебѣ твое дѣтище, я вырву ее изъ гроба. Но слушай, безумный старикъ, пеняй на себя! Пойдемъ! (*Выбѣгаетъ въ сопровожденіи Носова*).

(*Марья Ивановна выводитъ Павла Сергѣича изъ правыхъ дверей*).

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Онъ ушелъ, мой бѣдный, и не побывалъ у васъ! Простите, Павелъ Сергѣичъ, ради горя его! Если бы взглянули на несчастнаго, вы ужаснулись бы!

ПОРУЧИКЪ. Простить его! мнѣ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ уже двое сутокъ глаза мои не смыкались отъ слезъ! Два дня и двѣ ночи просидѣла я у его изголовья. Голубчикъ, при малѣйшемъ шорохѣ, приподниметъ голову, взглянетъ на меня, глубоко вздохнетъ и зарыдаетъ въ подушку! Нѣтъ, Павелъ Сергѣичъ, накажетъ Богъ Анюту, тяжкое преступленіе взяла она на свою душу!

ПОРУЧИКЪ. Не ее! не ее — неопытное дитя, любившее такъ нѣжно, такъ пламенно, а да накажетъ Онъ того, кто почелъ себя достойнымъ такой любви и возгордился ею! Надъ тѣмъ да разразится кара небесная и проклятіе ваше!..

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Но она не могла любить злодѣя, она любила другаго и призналась мнѣ въ томъ.

ПОРУЧИКЪ. И назвала вамъ его?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Ее нѣтъ болѣе и зачѣмъ мнѣ скрывать? Еще недавно, въ минуту грусти, сидя со мною у этого окна, въ тотъ самый день, когда въ послѣдній разъ вы уѣхали, мнѣ показалось, что Анюта плачетъ. О чемъ, мой другъ? спросила я ее; она бросилась ко мнѣ на шею, и высказала все, и надежды свои, и любовь; а назвала васъ, Павелъ Сергѣичъ.

ПОРУЧИКЪ. Такъ кто же могъ погубить ее, какъ не я? Чьи же мольбы могли склонить дочь вашу къ бѣгству, какъ не моя? И злодѣй и извергъ этотъ все-таки я! я, Марья Ивановна!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ ужасомъ*). Вы? другъ нашъ?

ПОРУЧИКЪ. Я! я! Прокляните же меня, злополучная мать; зовите всѣхъ, пусть всѣ услышатъ это проклятіе, пусть видятъ они и мой позоръ и мое раскаяніе!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Но вы не злой человѣкъ, нѣтъ! Богъ не попустилъ бы васъ на постыдное дѣло!

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ! къ престолу Его я подвелъ бы невѣсту, и только тогда рука моя коснулась бы ея руки; но судьба не допустила, я палъ у ногъ ея безъ чувствъ, а кровь мою вы видѣли!

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Какъ, въ эту ночь?

ПОРУЧИКЪ. Да, Марья Ивановна! Еще ребенкомъ любилъ я вашу дочь, какъ братъ; воспитываясь вмѣстѣ, привязанность моя росла и обратилась въ страсть; просить руки ея я не рѣшился: Константинъ Петровичъ гордъ! Ему извѣстно было желаніе дяди женить меня на дѣвушкѣ богатой, знатной; изъ преданности къ дядѣ онъ отказалъ бы мнѣ. Я поклялся не разлучаться съ Аннетой; въ письмѣ моемъ къ полковнику, которое онъ получилъ конечно, я все ему открылъ, а вашу дочь уговорилъ бѣжать! Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда на насъ напали горцы. Ее успѣлъ я поручить уряднику, онъ преданъ былъ мнѣ, онъ поклялся заколоть мою невѣсту прежде, чѣмъ рука злодѣевъ коснется до нея; онъ вѣренъ слову! Насъ было десятеро, я палъ седьмымъ! Остальное вы знаете!

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*съ чувствомъ*). Да проститъ же вамъ Господь, какъ я прощаю, сынъ мой! Вы любите ее, вы не желали ей ни зла, ни безчестья!

ПОРУЧИКЪ (*падая на колѣна*). Матушка! (*Онъ цѣлуетъ руки Марьи Ивановны; оба плачутъ; (за дверьми слышенъ шумъ).* Сюда идуть! уйдите, уйдите, ради Бога! Они не должны видѣть, они не должны знать, что вы меня простили, матушка!

(*Марья Ивановна, поцѣловавъ его, уходитъ рыдая. Въ это время изъ лѣвыхъ дверей показывается лекарь; завидя поручика, онъ протягиваетъ руку, которую тотъ не беретъ*).

ЛЕКАРЬ. Понимаю! нечиста она, какъ у всякаго пьяницы.

ПОРУЧИКЪ. Константинъ Петровичъ! и вы могли подумать?...

ЛЕКАРЬ. Нѣтъ! я ничего не думаю, да о чемъ и думать? да о комъ и думать? — о себѣ? — старъ, дряхль, слабоуменьъ сталъ! умру — старухѣ дадутъ пенсію, такъ стало и о старухѣ думать нечего! — о дочери? вы знали дочь мою, Павелъ Сергѣичъ? (*Насмѣшливо*). Что же, была смазлива, не намъ чета, говорила по-французски; ну полюбилась не нашему брату, который, можетъ-быть, не краснѣя назвалъ бы ее женою; нѣтъ, человѣку образованному, съ состояніемъ; ушла съ нимъ, — что же дурно развѣ? ничуть! она будетъ жить припѣваючи, сядетъ на бархатъ, подстелетъ подъ ноги не эту тряпицу, ((*Толкаетъ ногою половикъ*)) а — персидскій коверъ, и стануть любить лекарскую дочку, ласкать лекарскую дочку, а мы услышимъ и порадуемся на старости лѣтъ, и намъ съ женою будетъ любо. (*Хохочетъ*)...

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, дочь ваша скорѣе умретъ, чѣмъ обезчеститъ себя!

ЛЕКАРЬ (*вполголоса*). Стало умерла, вы слышали? говорите! Въдь Кондратій Иванычъ и добрый человѣкъ, да у него, знаете, не хватить здѣсь! (*Показываетъ на сердце*). Онъ не вы; и понять ли ему, что за вѣсть о смерти дочери отецъ отдалъ бы жизнь свою, что за эту вѣсть онъ задушилъ бы вѣстника въ своихъ объятіяхъ. Такъ вы слы-

шали? вы посторонній человекъ, отъ васъ скрывать нечего, — вамъ сказали? Она убита, дочь моя растерзана, разорвана на части? и еще честный, дѣвственный прахъ ея разнесли птицы поднебесныя? А тамъ далеко ли до Бога!

ПОРУЧИКЪ. Клянусь вамъ, дочь ваша непорочна!

ЛЕКАРЬ. Непорочна! (*Шопотомъ*). Потому-что мертва. (*Въ это время слышна музыка, играющая зорю*). Чась молитвы; у этого окна бывало молились мы семьею. Ну, что же, — нѣтъ дочери, — помолимся одни, семья не та — но тотъ же Богъ. (*Уходитъ медленно въ свою комнату*).

ПОРУЧИКЪ. Смерть, смерть, скорѣе смерть! Не тотъ одинъ убійца, кто лишаетъ жизни, а тотъ, кто отравляетъ жизнь ближняго, не смертельнымъ ядомъ, а скорбью и печалью сердца. И эта скорбь, и эти слезы — онъ проливаетъ ихъ, а падаютъ они свинцомъ кипучимъ на сердць мнѣ — преступнику! Смерть! смерть! (*Онъ съ отчаяніемъ смотритъ кругомъ себя, какъ бы ища чего-то. Въ это время вбѣгаетъ комендантъ; въ лицъ и во всѣхъ движеніяхъ его замѣтно необыкновенное волненіе*).

КОМЕНДАНТЪ. Павелъ Сергѣичъ, Павелъ Сергѣичъ! (*Всторону*). Да, нѣтъ, боюсь, ей-Богу боюсь; ну, какъ ему сказать; вѣдь надобно же, чтобы именно на меня взваливали такія оказіи. (*Громко*). Павелъ Сергѣичъ!

ПОРУЧИКЪ. Я слушаю васъ, комендантъ.

КОМЕНДАНТЪ. Какъ слушаете, да развѣ я ужъ сказалъ что-нибудь?

ПОРУЧИКЪ. Нѣтъ еще, впрочемъ, новое несчастіе не удивило бы меня, Кондратій Иваычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Несчастіе, какъ не такъ! хорошо несчастіе! да знаете ли?... (*Всторону*). Вѣрно объявить осторожно, а знаю я небось, какъ это дѣлается; лучше бы кажется.... (*Громко*). Павелъ Сергѣичъ, послушайте.... (*Всторону*). Нужно бы не вдругъ. (*Громко*), Гмъ,

Павель Сергѣичъ, вѣдь дядюшка-то вашъ.... вы знаете дядюшку вашего Прова Силыча?...

ПОРУЧИКЪ. Дядюшку?

КОМЕНДАНТЪ. Ну, да именно, я только и хотѣлъ сказать, что дядюшка вашъ Провъ Силычъ прѣхалъ къ намъ въ редутъ; славный дядюшка вашъ Провъ Силычъ, Павелъ Сергѣичъ, гмъ!

ПОРУЧИКЪ. Я ожидалъ его, Кондратій Иванычъ.

КОМЕНДАНТЪ. Ожидали, стало это не то, чтобы причинило вамъ неожиданность и все такое вредное, то-есть, для здоровья.

ПОРУЧИКЪ. Въ эту минуту не только здоровье, но жизнь самая мнѣ въ тягость, почтенный маіоръ.

КОМЕНДАНТЪ. Нѣтъ, ужъ шалите, чтобы жизнь была въ тягость; давеча — ну, спорить не стану, и я бы, то-есть, самъ, будь на вашемъ мѣстѣ, не ручаюсь, а теперь....

ПОРУЧИКЪ. Что же перемѣнилось?

КОМЕНДАНТЪ. Что перемѣнилось? да такъ бездѣлица, сущія-съ пустяки. (*Всторону*). Сказать развѣ? ей-Богу, скажу; подставлю стулъ про всякій случай. (*Подвигаетъ стулъ*)... Сущія пустяки... (*Всторону*) Наддамъ, была не была! (*Громко*). Развѣ то, что Анна Константиновна...

ПОРУЧИКЪ. О! это имя...

КОМЕНДАНТЪ. Это имя! (*Всторону*). Вотъ такъ языкъ и подвертывается, экая дурь, а еще произвели въ маіоры. (*Громко*). Это имя... (*Всторону*). Ну, провались, скажу, (*Громко*). Это имя невѣсты вашей, (*скороговоркою*), которая.... которая дожидается тамъ и съ дядюшкою. Уфъ! сказалъ, а что будетъ, то будетъ.

ПОРУЧИКЪ (*въ волненіи*). Послушайте, такая шутка....

КОМЕНДАНТЪ. Шутка! какая шутка?

ПОРУЧИКЪ (*хватая его за руку*). Кондратій Иванычъ, добрый Кондратій Иванычъ, мнѣ становится страшно!

КОМЕНДАНТЪ. Или, въ-самомъ-дѣлѣ, не вѣрите? такъ взгляните же

(подводитъ его къ окну). Вонъ они входятъ въ церковь; дядюшка вырвалъ невѣсту вашу изъ рукъ злодѣевъ, онъ же и хочеть, возвративъ жизнь, возвратить ей и честь. (Слышенъ звонъ колокола). Слышите, слышите?

ПОРУЧИКЪ. Къ погребеню....

КОМЕНДАНТЪ. Къ вѣнцу, сударь, понимаете ли?

ПОРУЧИКЪ. О! есть Богъ, Всемогущій Богъ! (Убѣгаетъ, какъ сумасшедшій).

КОМЕНДАНТЪ. Насилу-то! Ну, маіоръ, славно же ты началъ, однако, уйти, не то сболтаю старикамъ; а Провъ Силычъ запретилъ говорить мнѣ до окончанія обряда.... чу идутъ.... Маршъ. (Уходитъ). (Звонъ перестаетъ, а заря оканчивается и музыка начинаетъ молитву; по-прошествіи нѣсколькихъ минутъ, лекаръ выходитъ изъ своей комнаты, и, подходя къ окну, медленно опускается на колѣна).

ЛЕКАРЬ (говоритъ съ разстоновкою). Творецъ! Тебя душою скорбной молю, прости мнѣ тяжкій грѣхъ, — не въ силахъ перенести я горя, не въ силахъ укротить въ душѣ моей отчаянье, которымъ оскорбляетъ грѣшникъ Создателя! — Господь! не Ты ль вдохнулъ въ нашъ бранный прахъ любви божественную искру, не Ты ль Спасителя устами глаголешь міру про любовь святую къ ближнему? Я дочь, я кровное дитя любилъ Твоей любовью, и жизнь мою ей посвятилъ, и жилъ я ею. Она преступна, Твой справедливый судъ надъ грѣшной головой ея свершился, Ты взялъ ее, — а я, а я остался, меня Ты позабылъ. Будь милосердъ, дозвожь мнѣ умереть, пока безропотно я плачу; Господь, прости же мнѣ; я бѣдное дитя люблю, я грѣшникъ; отдай мнѣ дочь, отдай. (Звонъ раздается снова. Лекаръ, поднимая голову, взглядываетъ въ окно, лицо его искажается, онъ протягиваетъ руки по направленію къ церкви. Въ это время молитва кончается и къ колокольному звону присоединяется барабанный бой и трубы, какъ-то бываетъ послѣ зари).

(Лекаръ вскрикиваетъ ужасно; и на крикъ его вбѣгаетъ Марья Ивановна).

ЛЕКАРЬ (*прерывающимся голосомъ*). Жена, жена,—сюда, на ко-
лѣна.... видишь, померкло солнце.... слышишь громъ трубы.... взгляни
сюда.... возстали мертвые.... послѣдній часъ пробялъ....

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*ломая руки*). Анюта, Анюта!

ЛЕАРЬ. Ты видишь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Она бѣжить сюда.... дочь паша!

(*Дверь слева отворяется и Анна бросается къ ногамъ родите-
лей; за нею входятъ Провъ Силычъ, комендантъ, поручикъ и
нѣсколько офицеровъ въ кавказской формѣ*).

АННА. Батюшка, матушка! простите и благословите дочь вашу!

ПРОВЪ СИЛЫЧЪ. Друзья мои! кетати благословите и сына!

(*Бросаетъ племянника къ ногамъ лекаря и Марьи Ивановны*).

